

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРЯМОГО И КОСВЕННОГО ПЕРЕВОДА РАССКАЗА М. АУЭЗОВА «КРАСАВИЦА В ТРАУРЕ» НА РУССКИЙ И АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫКИ

А.К. Жумабекова

Аннотация. С советского времени накоплен огромный пласт переводной казахской литературы, которая мало исследована в переводческом аспекте. В 2017 г. казахстанским ПЕН-клубом намеренно избрана стратегия не прямого, а косвенного перевода на английский язык рассказа М. Ауэзова «Қаралы сұлу» («Красавица в трауре»). В качестве источника выбран авторизованный русский перевод А. Пантилева, изданный в 1961 г. Целью данной статьи является лингвокультурологический анализ перевода данного рассказа М. Ауэзова на английский язык в его сравнении с русским переводом-источником, поскольку в триаде *оригинал – перевод-источник – перевод* эти тексты анализу ранее не подвергались. Методологическую основу исследования составляют труды в области переводоведения, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации. В соответствии с целью использованы такие методики исследования, как предпереводческий анализ, лингвокультурологическая интерпретация текста, сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода. Методология исследования учитывает специфические функции, выполняемые русским языком как посредником; поэтому проанализированы конкретные ситуации, возникающие в результате косвенного перевода литературного текста. Объектом исследования явились лексические и грамматические переводческие трансформации для выяснения корректности их использования в прямом и косвенном переводах с целью установления степени сохранения авторского замысла оригинала как в образном, так и в собственно языковом выражении. В результате проведенного лингвокультурологического анализа установлено, что перевод рассказа М. Ауэзова «Қаралы сұлу» («Красавица в трауре») на английский язык, выполненный С. Гейганом, в лингвистическом и культурологическом аспектах является творческой удачей, несмотря на отдельные недочеты, обусловленные фактом непрямого перевода. Выбор в качестве источника русского перевода А. Пантилева оправдан как самим фактом его авторизации М. Ауэзовым, так и широким спектром изобразительно-выразительных языковых средств, использованных переводчиком. Авторский замысел передан в полной мере, художественные средства передачи национального колорита разнообразны. С. Гейгану удалось выразить свою творческую индивидуальность переводчика, не копируя и не калькируя предшествующий перевод, и в то же время сохранить идиостиль М. Ауэзова.

Ключевые слова: прямой перевод; косвенный перевод; М. Ауэзов; А. Пантилев; С. Гейган; лингвокультурология; переводоведение.

Введение

Художественный перевод, в силу сложившейся традиции, долгое время был основным средством межкультурного диалога Казахстана с другими государствами.

В советский период произведения Мухтара Ауэзова, как и других классиков казахской литературы (Махамбета Утемисова, Абая Кунанбаева, Сабита Муканова, Габита Мусрепова, Ильяса Есенберлина и др.), всегда переводились на иностранные языки с уже имеющихся русских художественных переводов. Связано это было, с одной стороны, с тем, что вначале практически не было профессиональных переводчиков, способных осуществлять прямые переводы с казахского на иностранные языки и обратно. С другой стороны, в период расцвета советской литературы существовал социальный заказ на перевод национальных литератур на русский язык. Следствием этой (не всегда в качественном отношении хорошей, но зато планомерной) многолетней работы явилось то обстоятельство, что на сегодняшний день мы имеем дело с огромным пластом переводной казахской литературы, которая анализировалась большей частью с литературоведческой точки зрения и гораздо менее – в переводческом аспекте.

Качество переведенного в советские годы литературного материала в настоящее время большей частью подвергается критике. Зачастую она справедлива: перевод осуществлялся издательствами по плану, часто в сжатые сроки; переводчики, работая с подстрочниками, не только не знали казахского языка, но часто не имели представления о казахской культуре в целом. Но здесь надо отметить одно важное обстоятельство: многие переводы были выполнены мастерами слова – писателями, профессиональными переводчиками. Именно благодаря косвенному переводу (с русского языка) казахская литература стала известна в мире.

Так, роман-эпопея Мухтара Ауэзова «Абай жолы» («Путь Абая»), отмеченный в 1959 г. Ленинской премией, получил мировое признание во многом благодаря изданию на русском языке, осуществленному группой переводчиков (А. Никольской, Т. Нуртазиным, Л. Соболевым, Н. Ановым, З. Кедриной), и уже с русского перевода – на английский, французский, немецкий и другие языки.

Интересен и факт работы самого М. Ауэзова в качестве переводчика на казахский язык произведений русской и зарубежной (опять же с имеющихся русских переводов) классики. Для театральных постановок им переведены такие драматургические произведения, как «Ревизор» Н. Гоголя, «Отелло» и «Укрощение строптивой» У. Шекспира, «Аристократы» Н. Погодина, «Любовь Яровая» К. Тренёва, «Офицер

флота» А. Крона. Переводил М. Ауэзов не только пьесы, но и роман «Дворянское гнездо» И. Тургенева, рассказ «После бала» Л. Толстого.

Таким образом, М. Ауэзов не только понимал, но и сам знал все нюансы практической переводческой деятельности, выступив вначале в роли автора, а затем переводчика и переводческого критика.

В годы независимости Казахстана изменился сам характер переводческого процесса. Подготовлены профессиональные переводчики с казахского и на казахский языки, благодаря чему имеются прямые переводы.

Запущен ряд государственных и негосударственных инициатив по переводу казахской литературы. Одним из них является проект «Мы – казахи» международного казахстанского ПЕН-клуба. Сильный импульс системному подходу к изданию переводов казахской литературы придал проект «Рухани жангыру» («Духовное возрождение»), инициированный первым Президентом РК Н.А. Назарбаевым.

Реализация программы «Современная казахстанская культура в глобальном мире» подразумевает перевод казахстанских авторов на мировые языки и зарубежных – на казахский. С 2018 г. запланировано перевести произведения 24 казахстанских авторов на рабочие языки ООН.

В результате этой общественно-политической ситуации неизвестные прежде для зарубежной читательской аудитории труды впервые издаются на иностранных языках. Появляются также новые переводы известных писателей (факт необходимости создания разных переводов одного и того же произведения в процессе развития историко-временной парадигмы теорией перевода признается закономерным).

Анализ качества этих переводов, появившихся в последние 5–10 лет, должен стать объектом отдельных исследований именно в переводоведческом ключе.

Целью данной статьи является лингвокультурологический анализ нового перевода рассказа М. Ауэзова «Қаралы сұлу» («Красавица в трауре») на английский язык в его сравнении с русским переводом-источником.

Методология исследования

Методологическую основу исследования составляют труды в области переводоведения, лингвокультурологии и межкультурной коммуникации В.Н. Комиссарова, Н.Н. Нелюбина, Г.Т. Хухуни, В.В. Сдобникова, О.В. Петровой, И.С. Алексеевой, З.Г. Прошиной, С.Г. Тер-Минасовой, Д.Б. Гудкова, А.П. Садохина и др.; работы по творчеству М. Ауэзова – Е.В. Лизуновой, Р. Нургали, Р. Бердибая, А.Ж. Жаксылыкова и др.

Исследователи структурируют переводоведение по-разному, выделяя пять (Л.Л. Нелюбин, Г.Т. Хухуни, В.В. Сдобников, О.В. Петрова) и

даже 10 (И.С. Алексеева) его разделов. Обобщая дискуссию, можно выделить лингвистическое и литературоведческое переводоведение соответственно. В области общей, частных и специальных теорий перевода (наиболее четко и полно описанных В.Н. Комиссаровым) подавляющее большинство исследователей используют лингвистические методы, а в области теории художественного перевода (являющегося согласно вышеуказанной классификации частью специальной теории перевода) – литературоведческие. Одно несомненно: фундаментом методологии перевода являются филологические методы исследования текстов.

Перевод признается основным видом межкультурной коммуникации, поэтому любой переход текста, созданного на одном языке к тексту, созданному на другом языке, означает переход от одной культуры к другой. Одними из первых в российской науке на важность лингвистического аспекта межкультурной коммуникации обратили внимание С.Г. Тер-Минасова, Д.Б. Гудков, А.П. Садохин и др.

Проблемы опосредованного перевода в переводоведении исследовались в большей степени с литературоведческой точки зрения, только в последние годы этот аспект стал рассматриваться в лингвистическом аспекте (З.Г. Прошина).

Творчество М. Ауэзова изучалось наиболее часто в аспекте выявления творческой манеры писателя, палитры его художественно-изобразительных средств (Е.В. Лизунова, Р. Нурагали, Р. Бердибай и др.), проблемам перевода его произведений уделялось значительно меньше внимания (А.Ж. Жаксылыков и др.).

Наименее исследованной областью переводоведения является методология научных исследований перевода и как процесса, и как результата. В рамках данной статьи анализу подвергаются тексты оригинала и его переводов, поэтому речь идет об изучении результатов переводческого процесса. При этом выявленная стратегия переводчика помогает получить представление об элементах процесса его работы; немаловажное значение имеют и опубликованные переводчиком комментарии (часто в виде предисловий к книгам), интервью в СМИ и др. Поэтому нами, как далее будет показано, были проанализированы публикации и высказывания переводчиков рассказа М. Ауэзова.

В соответствии с целью нами использованы такие методики исследования, как: предпереводческий анализ, лингвокультурологическая интерпретация текста, сравнительно-сопоставительный анализ оригинала и перевода. Выделяя приемы и способы перевода, мы опирались на классификацию переводческих трансформаций В.Н. Комиссарова [1. С. 159–166].

Кроме того, мы выбрали рассказ М. Ауэзова «Қаралы сұлу» («Красавица в трауре») и его русский и английский переводы в качестве материала для нашего исследования, поскольку в триаде *оригинал – перевод-источник – перевод* эти тексты анализу ранее не подверг-

гались. Методология нашего исследования учитывает специфические функции, выполняемые русским языком как посредником; поэтому мы проанализировали конкретные ситуации, возникающие в результате косвенного перевода литературного текста.

Сюжетная линия рассказа

После убийства мужа молодая красивая вдова Карагоз дает обет безбрачия («как угодно было старикам и богу»), соблюдая его шесть лет и вызывая одобрение со стороны старейшин казахского общества и всеобщее уважение. Но при этом она испытывает большие физические муки, которые перерастают в психологические, и ей уже кажется, что все смеются над ней. Как указывают исследователи, «для выражения субстанционального женского начала, что было ново и необычно для нарождающейся казахской письменной литературы, автор использовал идеи фрейдизма... – повествование о том, что чувствует, что переживает женщина, добровольно отказавшаяся от проявления своей женской сути» [2. С. 64].

История русского и английского переводов

Рассказ впервые был опубликован на казахском языке в 1925 г. во втором номере журнала «Тан» («Утро») в городе Семей. Известны, по крайней мере, два варианта рассказа, опубликованные при жизни писателя: второй был издан в 1935, затем – в 1960 г. в составе сборника «Қараш-Қараш». Этот более поздний вариант и был переведен впоследствии.

В рамках данной статьи не будем вдаваться в текстовые различия, обусловленные, как отмечают исследователи, в большей степени социально-политическими причинами (М. Ауэзов в числе других талантливых казахских писателей подвергался репрессиям, был и в тюремном заключении). Цензурой были запрещены к изданию его ранние произведения, в том числе и данный рассказ. Все изменилось после публикации романа-эпопеи «Абай жолы» и последовавшего за этим всеобщего признания. Наконец, появилась возможность издать в переводах свои ранние произведения, и М. Ауэзов уделял этому процессу много внимания.

Перевод на русский язык впервые был издан московским издательством «Советский писатель» в 1965 г. в сборнике ранних рассказов и повестей М. Ауэзова «Крутизна» и в дальнейшем много раз переиздавался.

Алексей (Абель) Наумович Пантилев перевел многие произведения М. Ауэзова: роман «Племя младое», повести «Выстрел на пере-

вале», «Лихая година», пьесу «Зарницы», путевые очерки «Моя Индия», рассказы «Серый лютый», «Сиротская доля», «Красавица в трауре». Писательский дар, отличное знание казахской культуры, глубокое постижение аузэзовской манеры повествования и, наконец, сама возможность постраничного обсуждения с автором переведенных произведений – все это, на наш взгляд, явилось залогом успеха переводов А. Пантиелева.

По его мнению, данный рассказ – «жестоко правдивая и вечно юная песня жизни, естеству, женской, человеческой воле. Рассказ вызывает ассоциации с Мопассаном: сравниваешь интонации, краски Аузэзова с голосом и палитрой великого француза, и “Красавица” выдерживает сравнение» [3. С. 27].

Очень важно, что сохранились воспоминания переводчика о работе с автором (все его переводы авторизованы). Рассказывая о 20-летней дружбе с писателем, А. Пантилев отмечал, что М. Аузев был чрезвычайно требовательным к передаче своего стиля, интонации (один из переводчиков четвертого тома «Пути Абая» так и не смог довести работу до конца, бросив ее на полпути, не выдержав критики автора: «– Красок, красок! Больше красок!») [Там же. С. 10], – который, критикуя, одновременно и поощрял, и ободрял его), и в то же время не терпел буквализма: «В переводчике Аузев также искал художника, не просто исполнителя-виртуоза, и даже не искусного аранжировщика, а соторца» [2. С. 9]. Добавим от себя, искал, видимо, и единомышленника, литературного собрата, друга. Возможно, этим объясняется и вольный характер переводов А. Пантиелева, который подвергся современной критике за отступления от оригинала, особенно в рассказе «Серый лютый» (А.Ж. Жаксылыков и др.).

Что касается анализируемого произведения, мы не обнаружили специальных исследований с переводческой точки зрения, имеются отдельные высказывания (в основном, литературоведческого характера) о переводах произведений М. Аузэзова. На наш взгляд, переводы А. Пантиелева во многом удачны и актуальны по сей день. Считаем очень знаменательным тот факт, что именно с его переводов осуществились и переложения отдельных произведений М. Аузэзова на английский язык.

В 2017 г. к 120-летию со дня рождения Мухтара Омархановича Аузэзова международный казахстанский ПЕН-клуб подготовил публикацию сборника «Beauty in mourning» (интересен факт выбора наименования всего сборника по названию данного конкретного рассказа – «Красавица в трауре») на английском языке. Издателями была выбрана стратегия перевода на английский язык с русских источников – художественных переводов А. Пантиелева.

Переводчиками стали Саймон Гейган и Саймон Холлингсворт. «Работу над произведениями Мухтара Аузэзова мы называем трудным

счастьем, – признались они. – Вначале была “борьба” с языком. В казахском есть понятия, которые никак невозможно перевести на английский. И нам, объясняя мировому читателю такие слова, как “аул”, “байрұт” или “дастархан”, надо было сделать это так, чтобы не испортить темп повествования великолепного рассказчика Ауэзова утомляющими подробностями.

Но самым трудным в работе... была передача голоса автора. Ауэзов говорил с читателем от имени коллективного подсознания. А он, как любой великий писатель, голос народа чувствовал и слышал буквально кожей, а лучше сказать – через космос, как бы разговаривая с самим Богом» [4].

Сборник включает в себя произведения, написанные классиком казахской литературы в 1920–1930-х гг.: рассказы «Сиротская доля», «Красавица в трауре», «Серый лютый», «Выстрел на перевале» и повесть «Лихая година». Сегодня благодаря тому, что книга, опубликованная в Russell Press Ltd, одном из лучших издательств на английском языке, помещена в крупнейшем американском интернет-магазине Amazon, она стала доступной всем англоязычным читателям.

Переводчик Саймон Гейган отмечал: «...возможно, мой любимый рассказ – “Красавица в трауре”. Это замечательное изображение женской чувственности, которое очень современно, но более реально, чем что-либо когда-то написанное Дэвидом Гербертом Лоуренсом. Ауэзовская проза в этом рассказе вполне справедливо сравнивалась Алексеем Пантилевым (казахско-русским переводчиком Ауэзова) с Ги де Мопассаном» [5].

В апреле 2018 г. этот перевод, в числе других произведений Мухтара Ауэзова, Оралхана Бокеева и Герольда Бельгера, был представлен на всемирной книжной выставке-ярмарке в Лондоне [6]. Этот факт вызывает гордость за казахстанскую литературу, которая, благодаря столь многогрудной, сколь и благодарной работе переводчиков, получает все большую известность среди читательской аудитории во всем мире.

По поводу факта опосредованного характера выполненных переводов Саймон Гейган высказался следующим образом (мы сознательно приводим столь странную цитату, так как она позволяет объяснить избранную переводчиком стратегию. – А.Ж.): «Мне повезло в том смысле, что перевод рассказов в этом сборнике на русский язык был сделан близким другом и товарищем Ауэзова Алексеем Пантилевым при участии и благословении автора. Так что этот перевод наиболее приближенный к “разрешенному” переводу, и вы не забывайте, что Ауэзов, в свою очередь, был плодовитым переводчиком с русского языка на казахский.

Вопрос о “точности и аккуратности исходного языка” очень интересен и является камнем преткновения работы любого переводчика. Для этого у переводчика имеются такие инструменты, как глоссарии, сноски и доступ к носителям исходного языка. Не желая казаться

слишком радикальным, я должен сказать, что не может быть такой вещи, как стопроцентно точный перевод. Перевод может быть только приближением, то есть интерпретацией. Точная передача смысла из одного языка в другой очень важна, но это только один аспект работы переводчика. Переводчик ставит себе еще более важную задачу – интерпретировать и передавать “голос” автора. И, на мой взгляд, это процесс, который выходит за рамки любого языка или национальности. Великое искусство и литература превосходят национальные или языковые границы. Великий художник или писатель черпает вдохновение от музы, коллективного бессознательного или Бога (в зависимости от вида взгляда на этот вопрос), и то, что они производят, является универсальным для всего человечества.

Более того, я часто думаю, что критика “промежуточных” переводов несправедлива. Переводы с промежуточного языка гораздо более распространены, чем думают люди, незнакомые с миром перевода» [5].

В лингвистическом переводоведении эта проблема является малоисследованной.

Дискуссия по поводу метаязыка как в англоязычном, так и в русскоязычном переводоведении достаточно подробно освещена в работах А.Р. Станиславского [6]. Автор при этом имеет в виду и анализирует информативный перевод. Мы же в рамках данной статьи исследуем фрагменты художественного перевода и используем традиционно принятые в переводоведении определения: *прямой перевод* – «перевод непосредственно с оригинала» [8. С. 174], *косвенный* (опосредованный, «промежуточный», по С. Гейгану) – «перевод, осуществляемый не непосредственно с текста оригинала, а с его перевода на другой язык» [Там же. С. 94].

Лингвокультурологический анализ переводов

Объектом нашего исследования являются, прежде всего, лексические и грамматические переводческие трансформации. Задачей при этом является выяснение корректности использования таких трансформаций в переводах – прямом и косвенном – для сохранения авторского замысла оригинала как в образном, так и в собственно языковом выражении.

Текст М.О. Ауэзова	Подстрочный перевод	Перевод А. Пантелеева	Перевод С. Гейгана
Содан бері Қарагөз қаралы тор бұлбұлындаі, бұл төсектің іесі [9. С. 151]	С тех пор Карагоз, как <i>соловей</i> в траур- ной клетке, <i>хозяйка</i> этой постели (под- строчный перевод наш. – А.Ж.)	Шесть лет Карагоз была <i>пленницей</i> <i>вдовьего ложа</i> , жи- ла, как <i>птица</i> , в клетке [10. С. 381]	For six years Karagoz had been a <i>prisoner</i> in her widow's bower, living like a <i>bird</i> in a cage [11. P. 39]

Здесь видим прием генерализации – *соловей* превращается в *птицу* (*bird*), прием модуляции – *хозяйка постели* становится ее *пленницей* (*prisoner*), но смысл, а что еще более важно, эстетический эффект оригинала, передан точно. При этом грамматическая структура русского и английского предложения одинакова, за исключением сохранения настоящего времени (которое наличествует в оригинале) во второй части английской конструкции. На наш взгляд, образ соловья можно было бы сохранить, потому что позже он еще раз появляется в рассказе: Карагоз слушает и даже по-своему «расшифровывает» трели соловья в ночной чаще. Уточнение же *шесть лет* вместо *c тех пор* считаем стилистическим приемом переводчика (в оригинале об этом дважды упоминается в двух предыдущих предложениях).

Текст М.О. Ауззова	Подстрочный перевод	Перевод А. Пантилева	Перевод С. Гейгана
Әзімханның туысканы, жалғыз сүйеніші жетпіс жасқа келген кәрі әкесі – Үсен [9. С. 153]	Родственником Азимхана, единственной опорой является его старый отец Усен, а тот 70-летний отец Усен	Ближе всех Азимхану был его отец Усен, а тот переступил порог уже семидесяти лет [10. С. 383]	<i>The closest person to Azimkhan's heart was his father Usen and he had already passed seventy years of age</i> [11. Р. 42]

Здесь есть скрытый контекст, суть которого для казахоязычного читателя ясна. У мужа Карагоз – Азимхана – есть только старый отец. По казахским обычаям, чтобы вдова не оставалась одна, ее (с ее согласия) мог взять в жены брат мужа; иногда такой союз бывал формальным, совершался для того, чтобы женщина в любом случае оставалась в семье, считалась замужней. Поэтому так важно сохранение в переводе словосочетания *жалғыз сүйеніш* – *единственная опора*. Речь идет здесь не столько о духовной близости отца и сына, отраженной в переводах (*Ближе всех*; то же и в английском переводе: *The closest person*, и даже усиленное как *to Azimkhan's heart* – ‘в сердце Азимхана’), а скорее, о наступившем физическом отсутствии прямых родственных связей мужа, т.е. о не произошедшем (в иных обстоятельствах почти неизбежном) законном повторном замужестве. Выбор все же у Карагоз был (как со стороны дальних родственников мужа, так и совсем с чужой стороны), но она добровольно отказалась всем претендентам на ее руку.

Текст М.О. Ауззова	Подстрочный перевод	Перевод А. Пантилева	Перевод С. Гейгана
Әзімханның басы төрт елдей айрылышп кеткен екен. Кейінгі жұрт шулап жылап, үстіне келіп үйілген уақытта, Әзімхан үзіліп жүре	Голова Азимхана раскололась [и осталась] в толщину четырех пальцев. Когда, позднее, люди, громко причиная, собрались возле	Азимхан лежал мертвый, не успев вымолвить своей любимой последнее «прости». Дубина расколола ему череп. Когда примча-	Azimkhan lay dead, without even having had time to ask for his beloved's forgiveness. The club had split his skull in two. By the time his

берді. Сұлу жарға ақырғы рет «қою» деуге де тілі кел- меди... [9. С. 157]	nego, Azimhan уже перестал дышать. Не успел сказать своей красавице- супруге последнее «прощай»...	лись его люди, он уже не дышал [10. С. 388]	men rushed to his aid, he was no longer breathing [11. Р. 48]
---	---	---	--

В прозе молодого М. Ауэзова часты натуралистические описания, так что читатель чувствует почти физическое присутствие героев. Так, в оригинале, от удара противника голова Азимхана раскололась до размера четырех ели. *Ели* – народная мера объема, равная ширине пальца; в данном случае – толщина в четыре пальца. А. Пантилев передает эту картину верно, но в общем виде: *Дубина расколола ему череп*. Английский переводчик данное предложение уточняет по-своему: на две части (*in two*).

Небольшая неточность в русском переводе – *прости* вместо *прощай* – казалось бы, не так существенна, но ведь Азимхану не за что просить прощения у жены, с которой они недолго были в браке; а вот *прощай* означает вечную разлуку для них.

Текст М.О. Ауэзова	Подстрочный перевод	Перевод А. Пантилева	Перевод С. Гейгана
– Аллай, тұншықтым ғой!.. Құдай-ау, мұнша неге сорлы еттін? – деп, қайнап қызған қанмен, қайда бара- рын білмесе де, үйден атқып шығып кетті [9. С. 163]	« –Аллах, я же за- дыхаюсь!.. Боже, почему ты так му- чаешь?! – с этими словами в ней вски- пела кровь, и хотя она не знала еще, куда пойдет, резко вскочив, выбежала из дома	– О аллах, я не могу больше! О боже, зачем я тебе такая? Вскочила и броси- лась вон из юрты, сама не зная куда [10. С. 393]	Oh God, I can stand it no longer! Dear God, why am I like this? She jumped up and rushed out of her yurt, not knowing where she was going [11. Р. 56]

В этом отрывке не передано физиологическое состояние Карагоз – она *задыхается*, в ней *вскипает кровь*; между тем в данной «чувственной» повести автор фокусирует внимание читателя именно на этом состоянии женщины, ее физических страданиях.

Текст М.О. Ауэзова	Подстрочный пе- ревод	Перевод А. Пантилева	Перевод С. Гейгана
Ауыл қонды [9. С. 162]	Ауыл заночевал	Сняли с возов, разо- брали и поставили юрты [10. С. 392]	They unloaded the yurts from the carts. Quickly and efficient- ly setting them up [11. Р. 55]

Интересно, что перевод простого нераспространенного предложения: *Ауыл қонды* (*Ауыл заночевал*) на русский язык превращается в простое распространенное с тремя однородными сказуемыми, в кото-

ром нет лексических эквивалентов оригинала, более того, появляются *возы, юрты: Сняли с возов, разобрали и поставили юрты*. Налицо совершенно правильно примененный прием модуляции, поскольку именно так происходит ночевка казахского ауыла при кочевье. Семантически и стилистически точно это предложение перекликается с отрывком из другого (также отсутствующего в оригинале и добавленного переводчиком), в начале рассказа: «Еще в ранних сумерках разобрали и погрузили юрты...» [10. С. 53]. Не случайно, что в английском переводе мы видим два еще более распространенных предложения с добавлением двух наречий *quickly, efficiently* (*быстро,дельно*) – таким образом точно показан и характер самих действий жителей, отработанных до автоматизма. Подобные трансформации текста, содержащего лингвокультурологические реалии, демонстрируют экспликацию фоновых знаний переводчиков, их проникновение в казахскую культуру.

А. Пантилев неоднократно и умело использует прием модуляции для избегания описательного перевода этнографических реалий, например, *жоктау* – ‘обряд оплакивания умершего’ (в данном случае от насильственной смерти):

Текст М.О. Ауэзова	Подстрочный пе- ревод	Перевод А. Пантилева	Перевод С. Гейгана
Әзімханның өлімін Үргайлыш жоқтау-сызы калдырыган жок [9. С. 157]	[Род] Ыргайлы не оставил смерть Азимхана без жок- may	Иргайлинцы не остались в долгу у обидчиков	The Irgailintsy were quick to repay the offenders in kind

В таких случаях по законам казахского общества должна быть осуществлена компенсация ущерба, в том числе имущественная: представители рода Ыргайлы отомстили, убив человека из рода, нанесшего обиду, а также получили в качестве возмещения стоимость ста верблюдов – огромную сумму не только по тем временам (*Ол жақтан жылқы аlamыз деп барып, кісі де өлтірді... Кегін де алды... Әзімхан басына жүз түйенің құнын да алды* [9. С. 157]). С. Гейган в передаче русского предложения применяет прием антонимического перевода (дословно с английского: *Иргайлинцы быстро воздали обидчикам таким же образом*). Здесь видим двойную трансформацию оригинала, не приведшую к искажению смысла.

Текст М.О. Ауэзова	Подстрочный перевод	Перевод А. Пантилева	Перевод С. Гейгана
Күздін айсыз қаранды түнінде, түн қатып жүрген жолаушы ұзак қарандылыққа қалай	Как темной безлунной осенней ночью путник, смирившись с беспроглядной темнотой, проходит всю ночь, так	Вдовий траур стал ее привычкой, ее обычаем. Так путник свыкается с кромешной темнотой ненастной ночи,	Her mourning had become a habit, a ritual for her. As the traveler becomes accustomed to the pitch dark of a rainy

Қарагөз де сондай мойындаپ, көніп болған... [9. С. 151]	и Карагоз, привык- нув, смирилась...	<i>идет, как слепец, но будто бы что-то видит...</i> [10. С. 381]	<i>night, making his way like a blind man, but to all appearances able to see...</i> [11. Р. 39]
---	---	---	---

Добавление А. Пантиелева со сравнительным оборотом: *идет, как слепец, но будто бы что-то видит*, – сохранено и в английском переводе; изменилась лишь модальность – сравнение с человеком, подобным слепцу, но все-таки не утратившим способность видеть: *making his way like a blind man, but to all appearances able to see*. Добавление это, по нашему мнению, вполне уместно, ведь героиня продолжает жить. С. Гейган в своем добавлении тонко передает прирожденное жизнелюбие ее характера: ведь автором отмечалось это качество героини в ее описании до замужества.

З.Г. Прошина, рассматривая проблемы опосредованного перевода восточных имен и наименований с английского языка как языка-посредника на русский, отмечает, что опосредованный перевод «должен сохранять традиции и конвенции соответствующего прямого перевода, а не руководствоваться ложным переносом... корреляций» [12. С. 179], имея в виду прежде всего вопросы правильной транскрипции и транслитерации.

Несмотря на несомненные удачи переводчиков, опосредованный характер переводов на английский язык все же сыграл отрицательную роль в передаче некоторых имен собственных. То, что мужское имя *Болат* превращается в *Булат / Bulat*, название местности *Ыргайлы* – в *Иргайли / Irgaili* (точнее: *Болат / Bolat, Ыргайлы / Yrgaily*), название местности *Қайынды* (здесь возможен в сноске пояснительный перевод: *березняк*, от слова қайын – 'береза'; именно в бересовой роще в рассказе поет соловей) транскрибуируется в *Кайнда / Kainda* (точнее: *Қайынды / Qaiyndy*), можно назвать небольшими неточностями в русском переводе, перешедшими в английский перевод. Но вот то что *иргайлинцы* (жители Ыргайлы, в то время Ыргайлинской волости), *коныртаусцы* (жители Коныртау, в то время Коныртауской волости) транскрибируются на английский непосредственно с русского перевода: *Irgailintsy, Konyrtaustsy*, – это переводческий промах.

И все же такие помарки не омрачают общего впечатления от английского перевода, в котором, как и в русском, ярко выражен «дух оригинала», передан авторский стиль, сохранен национальный колорит. Очень знаменателен в этом плане пример первого читателя перевода – 78-летнего отца Саймона Гейгана. «Для него Казахстан до Ауэзова был чистым листом. Ознакомившись с миром, представленным в произведениях казахского классика, он кинулся к карте. Увидев страну, которая своими размерами превышает всю Европу, отец был потрясен! По его

словам, эту книгу, через которую он почувствовал аромат Великой степи, следовало перевести гораздо раньше» [4].

Заключение

Таким образом, новый перевод рассказа М. Ауэзова «Қаралы сұлу» («Beauty in mourning») на английский язык, выполненный С. Гейганом, в лингвистическом и культурологическом аспектах является творческой удачей, несмотря на отдельные недочеты, обусловленные фактом непрямого перевода.

Выбор в качестве источника русского перевода А. Пантиелева оправдан как самим фактом его авторизации М. Ауэзовым, так и широким спектром изобразительно-выразительных языковых средств, использованных переводчиком. Авторский замысел передан в полной мере, художественные средства передачи национального колорита разнообразны. С. Гейгану удалось выразить свою творческую индивидуальность переводчика, не копируя и не калькируя предшествующий перевод, и в то же время сохранить идиостиль М. Ауэзова.

Феномен косвенного характера перевода казахской (и не только) литературы требует дальнейшего глубокого и всестороннего анализа для развития как общей, так и частных теорий перевода.

Литература

1. *Комиссаров В.Н.* Современное переводоведение. М., 2001. 424 с.
2. *Жаркимбаева Д.Б.* О социально-сущностной роли женщины (по образам женщин в казахской художественной прозе начала XX в.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2017. № 1 (397). Философские науки, вып. 43. С. 63–69.
3. *Пантиелев А.* Певец великой степи // Ауэзов М. Племя младое. Алматы : Жазушы, 1979. С. 7–64.
4. *Крыкбаева М.* Читайте Ауэзова на английском // Казахстанская правда. 28.09.2017.
5. *Батаева З.* Казахский с переводчиком // Экспресс К. 05.04.2018.
6. *Казахская* литература на всемирной выставке в Лондоне. URL: https://kazakh-tv.kz/ru/view/culture/page_192825_kazak-adebietinin-ylgileri-alemdik-kormede (дата обращения: 02.08.2019).
7. *Станиславский А.Р.* Теоретические и практические аспекты косвенного и машинного переводов с незнакомого языка // Гуманитарные научные исследования. 2015. № 2. URL: <http://human.snauka.ru/2015/02/9283> (дата обращения: 02.08.2019).
8. *Нелибин Л.Л.* Толковый переводоведческий словарь. М. : Флинта: Наука, 2003. 320 с.
9. *Әуезов М.* Қаралы сұлу // Қорғансыздың күні. Алматы : Атамұра, 2002. С. 151–164.
10. *Ауэзов М.* Красавица в трауре // Лихая година. М. : Сов. писатель, 1979. С. 381–394.
11. *Auezov M.* Beauty in mourning / translation by S. Geoghegan, S. Hollingsworth. London : Russell Press, 2017. P. 39–57.
12. *Прошина З.Г.* Опосредованный перевод и принцип обратимости перевода // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2014. № 1 (41). С. 179–184.

Сведения об авторе:

Жұмабекова Айгүль Қазкеновна – профессор, доктор филологических наук, Казахский национальный педагогический университет имени Абая (Алматы, Казахстан). E-mail: aigzhum@mail.ru

Поступила в редакцию 11 августа 2019 г.

LINGUOCULTUROLOGICAL FEATURES OF DIRECT AND INDIRECT TRANSLATION INTO RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES OF THE STORY “BEAUTY IN MOURNING” BY M. AUEZOV

Zhumabekova A.K., D.Sc. (Philology), Professor at Abay Kazakh National Pedagogical University (Almaty, Kazakhstan). E-mail: aigzhum@mail.ru

DOI: 10.17223/19996195/47/2

Abstract. Since Soviet times, a huge amount of translated Kazakh literature has been accumulated, but it is not investigated in the translation aspect enough. In 2017, the Kazakh PEN club deliberately chose the strategy of indirect translation into English of M. Auezov's story “Karaly Sulu” (“Beauty in Mourning”). An authorized Russian translation by A. Pantielev published in 1961 was selected as a source. The purpose of this article is the linguistic and cultural analysis of the translation of this story by M. Auezov into English in comparison with the Russian translation-source, as in the triad of original – translation-source – translation these texts have not been analyzed yet. The methodological basis of the research consists of works in the field of translation studies, linguoculturology and intercultural communication. In accordance with the purpose, such research methods as pre-translation analysis, linguocultural interpretation of the text, comparative analysis of the original and translation were used. The methodology of the research takes into account the specific functions performed by the Russian language as an intermediary; therefore, the specific situations arising as a result of indirect translation of the literary text are analyzed. The object of the study was lexical and grammatical translation transformations to clarify the correctness of their use in direct and indirect translations in order to establish the degree of preservation of the author's original idea in both figurative and linguistic expression. As a result of the linguistic and cultural analysis, the translation of M. Auezov's story “Karaly Sulu” (“Beauty in Mourning”) into English by S. Geoghegan is a creative success in the linguistic and cultural aspects, despite some shortcomings caused by the fact of indirect translation. A. Pantielev's choice of Russian translation as a source is justified both by the fact of authorization by M. Auezov and by a wide range of figurative and expressive language means used by the translator. The author's idea is fully transferred, the artistic means of conveying the national color are diverse. S. Geoghegan were able to express his creative individuality as an interpreter, without copying and calques of preceding transfer, and at the same time to keep the idiom style of M. Auezov.

Keywords: direct translation; indirect translation; M. Auezov; A. Pantielev; S. Geoghegan; linguoculturology; translation studies.

References

1. Komissarov V.N. (2001) Sovremennoe perevodovedenie. [Modern translation studies] M.
2. Zharkimbaeva D.B. (2017) O socialno-sushchnostnoj roli zhenshhiny (po obrazam zhenshhin v kazakhskoj khudozhestvennoj proze nachala XX v.) [On the social and essential role of women (on the images of women in the Kazakh prose of the early twentieth century)] // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 1 (397). Filosofskie nauki. 43. pp. 63-69.

3. Pantielev A. (1979) Pevec velikoj stepi [Great singer of the steppe] // Auezov M. Plemya mladoe. Almaty: Zhazushy. pp. 7-64.
4. Krykbaeva M. (2017) Chitatte Auezova na anglijskom [Read Auezov in English] // Kazakhstanskaya pravda. 28.09.
5. Bataeva Z. (2018) Kazakhskij s perevodchikom [Kazakh with a translator] // Ekspress K. 05.04.
6. Kazakhskaya literatura na vsemirnoj vystavke v Londone [Kazakh literature at the world exhibition in London] https://kazakh-tv.kz/ru/view/culture/page_192825_kazak-adebietinin-ylgileri-alemdik-kormede (Accessed: 02.08.2019).
7. Stanislavskij A.R. (2015) Teoreticheskie i prakticheskie aspekty kosvennogo i mashinnogo perevodov s neznakomogo jazyka [Theoretical and practical aspects of indirect and machine translation from an unfamiliar language] // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. № 2 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://human.snauka.ru/2015/02/9283> (Accessed: 02.08.2019).
8. Nelyubin L.L. (2003) Tolkovyj perevodovedcheskij slovar. [Explanatory translation dictionary] M.: Flinta: Nauka, 320 p.
9. Өuezov M. (2002) Karaly sylu [Beauty in mourning (in Kazakh)] // Korfansyzdyң kyni. Almaty: Atamyrä. pp. 151–164.
10. Auezov M. (2017) Beauty in mourning // Beauty in mourning. Translation by S. Geoghegan, S. Hollingsworth. London: Russell Press. pp. 39–57.
11. Auezov M. (1979) Krasavica v traure [Beauty in mourning (in Russian)] // Lihaya godina. Moskva: Sovetskij pisatel. pp. 381–394.
12. Proshina Z.G. (2014) Oposredovannyj perevod i princip obratimosti perevoda [Indirect translation and the principle of reversibility of translation] // Socialnye i gumanitarnye nauki na Dalnem Vostoke. 1 (41). pp. 179–184.

Received 11 August 2019